

Краснюк Константин Владимирович

начальник отдела технического осмотра
и регистрации транспортных средств отделения
ГИБДД УВД по Славянскому району
dom-hors@mail.ru

ЛЕГИТИМАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация:

Тема легитимизации деятельности правоохранительных структур в условиях социальной трансформации развивается автором в ходе анализа соотношения легальных и нелегальных практик, анализа такой социальной функции общества, как правоохранительная деятельность. Автором также анализируются девиантные версии социально устройства и, в частности, противоречия между «конформными» и «девиантными» структурами восприятия, историческая динамика социальной структуры и т.д.

Ключевые слова:

правоохранительная деятельность, правоохранительные органы, социальный порядок, девиации, конформизм.

Krasnyuk Konstantin Vladimirovich

Head of the inspection and registration of
vehicles the traffic police department
ATC Slavic area
dom-hors@mail.ru

LEGITIMATION OF THE LAW ENFORCEMENT STRUCTURES UNDER SOCIAL TRANSFORMATION

Summary:

Subject legitimization of law enforcement structures in the context of social transformation is developed by the author during the analysis of the relationship of legal and illegal practices, to analyze the social function of society as law enforcement. The author also examines the social deviant version of the device and, in particular, the tension between the "conformal" and "deviant" structures of perception, the historical dynamics of the social structure, etc.

Keywords:

law enforcement, law enforcement, social order, deviation, conformism.

Общество воспроизводится в ходе вовлечения и участия индивидов в институциональных практиках. При этом модальные для любого общества отношения господства-подчинения выражаются в интериоризации акторами правил, с одной стороны, «производящих значение (структурирующих каждодневный дискурс и взаимные понимания действий как значимых для участников взаимодействия...)\», а с другой – «санкционирующих способы социального поведения» [1, с. 74]. Именно в ходе усвоения членами общества этих «объясняющих и угрожающих» правил происходит легитимация как конкретных институтов, так и социального порядка в целом.

Эта модель легитимации может быть использована лишь при условии учета двух обстоятельств субъективного плана. Во-первых, постоянно воспроизводясь в обществе и воспроизводя тем самым общество, в жизни отдельного актора институт присутствует, как правило, дискретно. Например, пройдя образовательную практику в учебных заведениях (как правило, еще в первой половине жизни) большинство членов общества навсегда дистанцируется от института образования в качестве потребителей его услуг. Здоровый человек старается не соприкасаться с лечебными учреждениями; отслуживший в армии солдат срочной службы стремится покинуть армию и т.д. Известно, что часть индивидов после участия в определенных практиках начинает оценивать порождающие их институты отрицательно. Поэтому алгоритм легитимации институциональной структуры включает в себя доказательство его необходимости для общества и конкретного индивида и объяснение институциональных дисфункций, если существует негативная оценка данного института.

Во-вторых, существующие конкретные институты в любом обществе обладают неформальными практиками. При этом часто речь идет не об удвоении институциональных агентов, а об удвоении рынков, на которых один и тот же агент предлагает однотипные услуги, но на разных условиях. Неформальные и формальные практики социальных институтов находятся в тесном симбиозе. Их сосуществование нередко выгодно для социальной структуры в целом, поскольку является источником инновации. Даже если это сосуществование принимает разрушительные размеры, попытки восстановить пошатнувшийся авторитет официальных институтов будут обречены на провал, если легитимация сведется к подчеркиванию их позитивного (в правовом понимании этого слова) характера. На малую эффективность официального противопоставления формальных и неформальных практик социальных институтов указывал еще Э. Сатерленд в рамках теории дифференциальной ассоциации. Касаясь причин приобщения мо-

лодежи к криминальным практикам «теневое» мира, он подчеркивал, что «преступные взгляды, ориентации и умения усваиваются в группе при личном неформальном общении. Формальный подход воспитателей в школе, а также родителей, не имеющих психологического контакта с детьми, часто бьет мимо цели, и воспитательные усилия этих лиц нередко имеют нулевой эффект. Подлинным воспитателей такого подростка оказываются участники неформального общения в группе правонарушителей» [2, с. 179].

Другими словами, легитимация институтов – особенно тех из них, участие которых в процессе воспроизводства общества особенно велико – должна носить тотальный характер, то есть быть ориентирована в каждый данный момент времени на все социальные слои. Кроме того, общество должно научиться учитывать в своих целях результаты функционирования неформальных практик. «Теневая» институциональная практика может выступать в качестве стимула инновационной деятельности агентов официальных институтов, то есть реально корректировать «охраняемый обществом и государством» способ удовлетворения определенной социальной потребности, осуществляя своего рода обратную связь между индивидом и структурой.

К числу важнейших социальных функций, от которых в первую очередь зависит процесс воспроизводства общества, относится правоохранительная деятельность – деятельность по защите официальных институтов от носителей и реализаторов (индивидуальных и коллективных) альтернативных нормативных установок. Как замечает Ю.Е. Аврутин, она включает в себя «различные формы и методы, как правовые так и неправовые, организационные, в конечном счете, всегда» связанные «с созданием, изменением, отменой нормативных актов, устанавливающих права физических и юридических лиц; разрешением юридических коллизий, вытекающих из правоотношений; защитой и восстановлением субъективных прав граждан, государственных органов, общественных объединений, предприятий, организаций, учреждений; применением убеждения или принуждения к лицам, не выполняющим свои юридические обязанности» [3, с. 101].

Уже из этого краткого описания сферы деятельности правоохранительных органов, ориентированной на «разрешение юридических коллизий» в социетальном масштабе, можно предположить наличие множества проблем с их легитимацией. Погруженность данных органов в эпицентр социальных конфликтов порождает массу недовольных, разочарованных в результатах разрешения конкретной «юридической коллизии». Неудивительно, что «механизм предоставления обществом (народом) государству права формировать те или иные правоохранительные органы и санкционировать формы и методы их работы пока до конца не ясен ни теоретикам права, ни специалистам в области уголовного права» [4, с. 100]. Как сочетать свободы человека с мерами по снижению криминогенного потенциала общества, нередко требующими определенного ограничения тех или иных свобод? Ведь правовое попустительство, ведущее к утрате безопасности, создает лишь иллюзию свободы: в криминализованном социуме любая свобода индивида легко может быть «отменена» представителем преступного мира. Хотя высокое значение правоохранительной деятельности в деле воспроизводства общества кажется очевидным, позитивный образ правоохранительных органов в общественном сознании не может возникнуть спонтанно по целому ряду причин. Среди них: индивидуальные промахи сотрудников; двусмысленность положения правоохранительных органов в структуре трансформирующейся социальной системы, порождающей целый спектр противоречащих друг другу воззрений на природу закона и права; усилия преступного мира по дискредитации своих противников и романтизации собственных «трудовых будней». Между тем без позитивного отношения граждан к охраняющим закон (а следовательно, в идеале интересы всего общества) личностям и структурам достижение устойчивого правового порядка в обществе представляется невозможным.

Важно при этом помнить, что значительная часть граждан, имеющая определенное ценностно-окрашенное представление о правоохранительных органах, формирует его на основе данных, полученных косвенным путем, априорно. Так, опрос, проведенный Западно-Сибирским отделом ВНИИ МВД РФ в сентябре 2007 г. «показал, что у 27 % респондентов представление о милиции складывается на основе сведений, полученных из теле- и радиопередач; у 21 % – на основе публикаций в прессе; у 44 % – из личного опыта (очевидец, свидетель, потерпевший и т.п.); у 44 % – из бесед с друзьями, знакомыми, в кругу семьи» [5, с. 107]. Правоохранительные органы – прежде всего те структуры, которые первыми вступают в борьбу с криминальным злом и приходят на помощь гражданам, ставшим его жертвами, – не могут пожаловаться на дефицит внимания к себе со стороны общества. Однако ожидать от людей беспристрастности в оценке деятельности институтов, от которых зависит степень их свободы и безопасности, для работников правоохранительных органов было бы бессмысленно. Страсти и страх, обиды и благодар-

ность, разочарования и надежды – все эти движения человеческой души необходимо учитывать при анализе восприятия общественным сознанием правоохранительных органов в не меньшей степени, чем их юридический статус и рационалистические обоснования необходимости подобных структур в любом обществе.

Периоды системных кризисов, которые переживает любое общество, связаны с состоянием социальной аномии – дисфункции институтов, регулирующих социальные взаимодействия, таких как право, обычай или мораль. Поддержание правового порядка в эти периоды представляет особые трудности, что связано не только с падением авторитета правовых норм, но и с размыванием профессиональной культуры представителей правоохранительных органов. Российское общество в канун XXI в. переживает именно это состояние. Проблематичность функционирования правоохранительных органов в данной ситуации может быть более ярко представлена, если вспомнить, что российские историки, философы и юристы еще в XIX в. отмечали слабое уважение к закону во всех слоях общества. В частности, замечательный российский историк В.О. Ключевский писал: «Не я виноват, что в русской истории мало обращают внимание на право: меня приучила к этому русская жизнь, не признававшая никакого права» [6, с. 68]. Поэтому вопрос о восприятии милиции различными слоями современного российского общества является не праздным и не однозначным по своему содержанию.

Структуры восприятия (социальной) действительности представляют собой спонтанную ориентацию индивида и (или) группы на обнаружение в определенной социальной сфере устойчивого повторяющегося отношения между ее элементами, причем такое отношение считается для данного общества типичными, само собой разумеющимся, определяющим его социокультурной спецификой. Уточним, что «спонтанность» функционирования структур восприятия означает не их стихийное складывание, а их принадлежность сфере практического сознания. Под практическим сознанием Э. Гидденс понимает «то, что акторы знают (или во что верят) о социальных условиях, включая, в особенности, условия их собственной деятельности, но не могут выразить это в дискурсивной форме; в отличие от бессознательного практическое сознание «не ограждается» барьерами, основанными на психологической репрессии» [7, с. 500]. Очевидно, что понятие «структура восприятия» не равнозначно понятию «легитимация». Легитимация есть процесс «объяснения» и «оправдания» элементов институциональной традиции [8, с. 153], и как таковая она включена в структуры восприятия социальной действительности «добропорядочных граждан». С этой точки зрения их восприятие действительности, равно как и участие в ней, выглядят шаблонными, предсказуемыми, стереотипными; на них и основывается повседневное социальное взаимодействие. Понятно, что «добропорядочные граждане» выделяют в окружающей их действительности те элементы, которые «объясняют» и «оправдывают» их соучастие в ее воспроизводстве.

Наряду со структурами восприятия, легитимирующими институциональный порядок (конформными) в обществе, существует мощный пласт «девиантных версий» [9, с. 174] социального устройства. Они «объясняют» и «оправдывают» другой институциональный порядок, тогда как при восприятии существующего замечают в нем те элементы, которые обуславливают их критичность, брюзжание, недовольство, прочие формы социального неподчинения/сопротивления здесь и сейчас. Разумеется, шаблонность, предсказуемость, стереотипность являются неотъемлемыми характеристиками и «девиантных» структур восприятия.

Противоречия между «конформными» и «девиантными» структурами восприятия, а также историческая динамика социальной реальности положительно влияют на распространение структур восприятия правоохранительных органов. Кризисы роста и социальная эволюция приводят к появлению институциональных инноваций, что ведет к обновлению структур восприятия за счет либо легитимирующих, либо отрицающих нововведения элементов. Понятно, что все это многообразие произрастает из одного корня: первоначального (исходного) решения проблемы, воспроизводство которой в социальной жизни породило конкретную тему институционального творчества. Эта матрица социального действия дает массу вариаций, проникнутых как духом следования традициям, так и духом революционных преобразований. Воспроизводство этой матрицы в социальной практике в виде последующих модификаций обеспечивает сохранение институциональной идентичности общества. Ее легитимация в структурах восприятия означает сохранение его ценностной идентичности. Рост девиантных вариантов структур восприятия означает, что прежние институты и ценности поставлены под сомнение «бунтарями», «революционерами».

В интересующем нас плане матрица социального действия по сохранению правопорядка в обществе определяется отношениями, возникающими в треугольнике Государство – Община – Страж порядка. В толковании этих понятий мы опираемся на ставшие классическими и отвечающими ракурсу нашей работы определения Ф. Тенниса и М. Вебера. Под общиной мы пони-

маем сегмент населения, основывающийся на единстве «человеческих волей как изначального или естественного состояния, которое сохраняется, не смотря на их эмпирическую разделенность, и пронизывает ее, принимая многообразный облик в зависимости от необходимых и наличных особенностей отношений между по-разному обусловленными индивидуумами» [16, с. 16]. Иначе говоря, община – это та совокупность индивидуумов, которая может регулировать отношения внутри себя естественным путем, то есть без санкционируемого государством вмешательства его институциональных агентов. Наличие и актуальность таких естественных регуляторов объясняется относительной слабостью интересубъективных противоречий в данной «эмпирической разделенности человеческих волей», что позволяет индивидуумам взаимодействовать и сосуществовать, не прибегая к помощи государственных регуляторов социального поведения. Таким образом, общиной может быть названо население городского района и даже страны в том плане и настолько, насколько для него оказываются значимыми и типичными пласты практик, регулируемых не государством, а моралью. В то же время семья, занятая бракоразводным процессом, на определение общины претендовать уже не может.

Исторический рост внутренних противоречий в общине приводит к тому, что все больший сегмент практик изымается из-под непосредственного контроля ее членов и переходит под контроль государства. Государство обладает способностью регулировать эти практики не только и не столько с помощью моральных императивов, сколько с помощью угрозы легитимного насилия, право осуществлять которое монопольно сосредотачивается в узком слое агентов государственных институтов. «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающимися на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует» [11, с. 646]. Данные агенты специализируются на сопоставлении реальных практик с положениями законодательства, выявлении степени расхождения между ними, определении карающих отступника последствий, поиске лиц, уклоняющихся от причитающегося им наказания и т.д. Особую роль среди представителей различных правоприменительных структур занимают агенты, ведущие повседневный контроль за уровнем делинквентности и, как следствие, уровнем законности в общине, находящиеся, таким образом, на пограничной линии между общинной правовой самодеятельностью и санкционированными государством правилами социальной игры. Именно этих институциональных агентов, погруженных в повседневную жизнь общины и осуществляющих правовую экспертизу деятельности ее членов «здесь и сейчас», представляют правоохранительные органы. Их основной функцией в конкретно-исторических условиях является контроль поддержания установленного правового порядка.

Ссылки:

1. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М., 2003.
2. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997.
3. Аврутин Ю.Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России. СПб., 2003.
4. Там же.
5. Кожевников В.В. Общественное мнение омичей о милиции // Социс. 2008. № 7.
6. Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993.
7. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. М., 2003.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
9. Там же.
10. Теенис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002.
11. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

References (transliterated):

1. Giddens E. Ustroyeniye obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii. M., 2003.
2. Inshakov S.M. Zarubezhnaya kriminologiya. M., 1997.
3. Avrutin YU.Ye. Politsiya i militsiya v mekhanizme obespecheniya gosudarstvennoy vlasti v Rossii. SPb., 2003.
4. Ibid.
5. Kozhevnikov V.V. Obshchestvennoye mneniye omichey o militsii // Sotsis. 2008. № 7.
6. Klyuchevskiy V.O. Aforizmy. Istoricheskiye portrety i etyudy. Dnevniky. M., 1993.
7. Giddens E. Ustroyeniye obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii. M., 2003.
8. Berger P., Lukman T. Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. M., 1995.
9. Ibid.
10. Teyenis F. Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnyye ponyatiya chistoy sotsiologii. SPb., 2002.
11. Veber M. Politika kak prizvaniye i professiya // Veber M. Izbrannyye proizvedeniya. M., 1990.